

Глава пятая Коронация

Коронация государя в жизни страны занимает важное место — торжественной и пышной церемонией она как бы завершает процесс его вступления на престол. Торжественность и пышность церемонии призваны подчеркнуть особое место в обществе монарха, которому, как сказано в Уставе воинском, «повиноваться сам Бог повелевает».

До Петра Великого коронация носила чисто церковный характер. Петр внес в эту процедуру светское начало. От московской старины остались лишь внешние черты: почетное место отводилось в церемонии духовным иерархам, от которых наследник получал благословение на царствование и регалии царской власти. Но наряду с церковным песнопением, напутствием архиерея и колокольным звоном всех церквей и монастырей старой столицы стала раздаваться пушечная и ружейная пальба, устраивались фейерверки и иллюминации, шествие через триумфальные ворота и т. д.

Коронация оказывала колоссальное воздействие не только на подданных, но и на самого монарха. Последнему внушалась мысль о неземном происхождении его власти; подданные же убеждались в величии человека, восседавшего на троне, в богоданном ему праве требовать беспрекословного повиновения как от простолюдинов, так и от первых сановников государства.

По традиции коронация совершалась в Москве, в главной церкви страны — московском Успенском соборе. На некоторое время Москва превращалась в столицу государства — туда отправлялись не только монарх и его двор, но и сановники, генералитет, а иногда и центральные учреждения: Верховный тайный совет, Сенат и коллегии, дипломатический корпус.

Обычно поездка из новой столицы в старую совершалась по санному пути — преодолевать разлившиеся реки в весеннее половодье или трястись в каретах по летним ухабам либо по бездорожью в осеннюю слякоть считалось крайне утомительным.

Переезд из новой столицы в старую обходился казне, вельможам и особенно иностранным дипломатам недешево — вместе с придворными сановниками и дипломатами отправлялись в путь их супруги, множество слуг, гардероб, домашняя утварь, а у дипломатов ко всему этому прибавлялись запасы иноземных вин и изысканная снедь. Чтобы представить, во что обошелся переезд из Петербурга в Москву испанскому послу, достаточно назвать сумму расходов на приобретение одних только лошадей: было закуплено 80 лошадей по 10 рублей за каждую, то есть издержано 800 рублей — сумма по тем временам немалая.

Подготовка к коронации — сложный и продолжительный процесс, в котором было задействовано множество сановников, правительственных учреждений, а также мастеровых людей различных специальностей: портные, сапожники, плотники, кузнецы, беловшеи, шорники и пр.

К организации коронации Петра II были привлечены коллегия Иностранных дел, Камер-коллегия, Дворцовая канцелярия, Синод, Оружейная палата. За проведение церемонии отвечали два вельможи: президент Иностранной коллегии Гаврила Иванович Головкин и московский генерал-губернатор князь Иван Федорович Ромодановский, на плечи которого ложилась подготовка палат кремлевских дворцов для проживания монарха и его свиты, убранство Успенского собора, сооружение триумфальных ворот, ремонт и изготовление утвари, оборудование Грановитой палаты для приема императором гостей и т. д.

Коронацию намеревались осуществить в декабре 1727 года, а подготовка к ней началась с первых чисел октября. 3 октября Головкин отправил повеление

Ромодановскому подготовить жилые помещения для императора и его многочисленного двора в двух вариантах: в Кремле и Преображенском, где раньше жил дед правящего государя Петр Великий. Предполагалось, что Петр II сам сделает выбор между этими двумя резиденциями.

В Преображенском было необходимо отремонтировать печи и окна. Сложнее обстояло дело с кремлевскими покоями. Головкин, надо полагать, не подозревал о том, с какими трудностями столкнутся исполнители его распоряжения об освобождении палаты на Потешном дворе, а также аптеки Оружейной палаты и приказа Большого дворца.

В ответном донесении Дворцовой канцелярии сообщалось, что помещение бывшей Оружейной аптеки и приказа Большого дворца освободить невозможно, так как в них хранятся старинные писцовые, переписные, межевые, окладные, приходные и расходные книги, а также дворцовая посуда. Все это «не токмо вскоре, но и во многие числа перевезти невозможно, да и куды перевезть мест не показано». Кроме того, перевозка золотой, серебряной и оловянной посуды из дворцовых палат в другие помещения может сопровождаться порчей или утратой дорогих изделий.

Канцлер признал свою оплошность. Донесения Дворцовой канцелярии он получил 21 октября, а уже 23 октября, проявив необыкновенную расторопность, отменил свое повеление: помещения приказа «Большого дворца с принадлежащими к тому приказу палатами, в которых обретаются книги», велено было не очищать.¹

14 октября Верховный тайный совет приказал генерал-лейтенанту и гвардии подполковнику И. И. Дмитриеву-Мамонову ехать в Москву для выполнения задания, определенного врученной ему инструкцией: изготовить новые мундиры на 63 человека из кавалер-гвардии, которым определено участвовать в коронационных торжествах. За образец надлежало взять экипировку гвардейцев, участвовавших в коронации Екатерины Алексеевны в 1724 году. Поручение, судя по чину Дмитриева-Мамонова, а также и по тому, что ему в помощь были назначены два гвардейских капитана, канцеляристы и солдаты, считалось важным.

Тем не менее генерал-лейтенант не спешил с отъездом. В Москву он прибыл на двенадцати подводках, со всякой кладью, необходимой для продолжительного пребывания в старой столице, и штатом помощников (для капитанов было определено по шесть подвод) только через месяц, 13 ноября. На следующий день Дмитриев-Мамонов отрапортовал, что приступил к изготовлению «доброй» экипировки, включавшей кафтан, штаны, шляпы с позументами и сапоги. Поскольку кавалергарды должны были участвовать в церемонии на лошадях, то надлежало изготовить шпоры, уздечки и рукавицы. Этот комплект обмундирования на одного кавалергарда обошелся казне в 80 рублей 70 копеек. Дороже обошлось снаряжение для лошади: перевязь, чепрак, перевес с лядункой стоили 90 рублей 74 копейки. Итого на одного кавалергарда с лошадей выходило 171 рубль 44 копейки, а на 63 человека — 10 800 рублей 72 копейки.

6 ноября Верховный тайный совет решил обновить гардероб нижних чинов, обслуживавших императорский двор. В архивном деле имеется две ведомости. Согласно первой, надлежало сшить мундиры 24 лакеям, 16 кучерам и фореиторам, 20 музыкантам, двум литаврщикам, двум валторнистам, шести арапам и четырем скороходам. Мундиры им должны быть «против того, как было сделано в 1724 году». Для 16 гайдуков придумали новую форму: «К гайдуцкой ливреи — чепи, а на шапках перья; а на сапогах личины серебряные употребить прежние». Весь этот блеск обошелся казне в 10 тысяч рублей.

Вторая ведомость под названием «Реестр служителям, которым надлежит

---

¹ РГАДА. Ф. 1. Оп. 272. Д. 84746. Л. 93.

делать мундир к коронации» вносит некоторую путаницу, поскольку в нее частично включены служители с таким же названием, как и в первой ведомости, но имеются и новые: пять камер-пажей, 11 пажей, один кофейшенк, пять камер-лакеев, 15 лакеев, десять гайдуков, шесть арапов, два литавщика, шесть трубачей, четыре валторниста, концертмейстер, камер-музыкант и композитор, капельмейстер и 16 музыкантов и др. Всего 106 человек. Судя по тому, что на изготовление им мундиров дополнительно было ассигновано 9400 рублей, «Реестр» можно считать дополнительной ведомостью.²

Экипировка гвардейцев и придворных служителей, а также благоустройство жилья для императора и его сестры составляли лишь малую толику забот устроителей коронации. С жильем для императора разобрались без труда. По мнению Ромодановского, лучшего варианта, чем Потешный двор, подобрать в Москве было невозможно, и Верховный тайный совет с этим согласился. Более сложным делом оказалось устройство триумфальных ворот. Их должны были сооружать на средства казны, купечества и Синода: Воскресенские в Китай-городе от Синода, в Белом городе от купечества и на Земляном валу от казны.

Сложность представляли не плотницкие работы, а именно украшение триумфальных ворот. Согласно повелению Верховного тайного совета, надлежало «убрать те ворота шпалерами и картинками с надписями». Список картин и надписей к ним должен был составить Синод.

В своем донесении Верховному тайному совету члены Синода проявили инициативу и указали, что конкретно надлежало предпринять «во славу коронации». Так был принят новый способ выражения поздравления коронованному императору, сохранявшийся и при последующих коронациях, — поднесение государю иконы. 27 ноября в Синод был вызван иконописец Андрей Меркульев, которому поручили написать образ святого апостола Петра «доброе и искусное художества». С этой задачей художник справился: 29 декабря он представил Синоду «образ Спасителя, показующий святому апостолу Петру приятие ключей Царствия небесного в осьми лицах».³ Кроме того, «поведено было самым лучшим в Санкт-Петербурге живописцам написать на бумаге ворота с масштабом, также и эмблемы, которые опробованы будут». Распорядились послать в Москву «знатного мастера живописца», который бы руководил московскими живописцами, а «также нарочитого архитекта по управлению столярного и плотничного делом».

Предложения исходили лично от Феофана Прокоповича. По его мнению, в коронации надлежало отразить общие понятия о государе. К числу этих понятий относились «честь высокая, власть верховная, достойная наследия, и кто по кому наследием примет скипетр», то есть законность прав Петра II наследовать престол. «Другие показующие добродетели, государю должны: мудрость, мужество, благочестие, милость, правосудие, бодрое о добре общем попечение и прочее».

Далее следовал перечень символов и эмблем с их описанием и надписями. В общей сложности только на казенных и купеческих воротах их насчитывалось более восьми десятков. Перечислять все нет смысла — описания эмблем и надписей к ним сформулированы тяжеловесным и малопонятным современному читателю языком. Их отличает явная гиперболизация добродетелей, присущих двенадцатилетнему отроку. Главная мысль — восторг подданных в связи с тем, что именно юный Петр Алексеевич, а не кто иной занял трон своего деда.

Приведем некоторые из перечисленных символов и сопровождающих их

---

² Там же. Л. 189, 190.

³ Санкт-Петербургский духовный вестник. 1896. № 6. С. 108.

надписей:

Петр Второй на престоле по подобию Соломона, окруженного библейскими героями. Среди них отрок между пирамидами гробовыми, идущий и оплакивающий смерть родителя. Бог велит по виноград свой идти. Надпись: «Иди по виноград мой».

Отрок на престоле царском на облаках, из которых свет прямо на землю. На окрестные же страны являются громовые молнии и надпись: «Никто же о юности твоей да не родит».

Император, сидящий на престоле поклоняющейся ему России, скипетр к лобызанию преклоняет. Надписание: «Жезл правости, жезл царствия твоего» (Псалом 44).

Орел, выше всех птиц взлетающий. Надпись: «Рожден к высоте».

«Государь на высочайшем чести своей имеет делать правду».

Зрительная труба. Надпись: «Образ промысла и смотра царского».

В целом рисунки и надписи на триумфальных воротах, сооруженных Синодом, призваны внушить мысль о божественном происхождении царской власти. Вот еще несколько примеров надписей:

«Бога боится, царя чтит, яко тако есть воля Божия».

«Несть власть аще не от Бога. Суция же власти от Бога учинены суть».

«Где прилично написать всенародное моление России о царе своем с надписанием: Боже, суд твой царской даждь и правду твою сыну церкви судить людям твоим в правду и нищим твои в суде».

«Птенец орлий к солнцу взлетает». Надпись: «Такова родили родители».

«Геркулес, в колыбели змиев терзающий». Надпись: «Уже и в пеленах Геркулес».

Напомним, Петру II шел тринадцатый год. Увиденное и прочитанное им оставило в его сознании неизгладимый след. Можно с уверенностью утверждать, что он воспринял все эти льстивые и велеречивые эмблемы и надписи, в особенности в том, что касалось его прав на престол, с полной серьезностью.

Между тем подготовка к церемонии коронации продолжалась. Возникли трудности с балдахином для трона императора. Вспомнили, что балдахин был сооружен для коронации Екатерины. Надлежало найти его и оценить степень его сохранности и возможность использования в коронации Петра II.

Обратились в Сенат и получили оттуда нелепый и неверный по существу ответ: балдахин по указу Верховного тайного совета отдан действительному тайному советнику В. Л. Долгорукому, у которого он якобы и пребывает. Более точные сведения сообщили в Синоде. Оказывается, в 1724 году балдахин был взят из Крестовой палаты в Грановитую, где обретается и ныне.

Балдахин осмотрел Дмитриев-Мамонов. Он пришел к выводу, что балдахин пригоден и для нынешней коронации, но «в четырех местах надлежит перешить имя его величества». Возник вопрос: как это сделать? Дмитриев-Мамонов считал, что вырезать старые литеры опасно, ибо можно испортить ткань, а лучше «те литеры вышить на особливом бархате и, вышив, на прежние литеры наложить». Предложение одобрили, Дмитриев-Мамонов пригласил московских мастеров, объяснил им задание, но те отказались его выполнять.⁴ Пришлось обратиться к услугам иноземного мастера, француза Яна Робора, руководившего изготовлением платья для гайдуков. Свою услугу француз, судя по записям в расходной книге, оценил крайне высоко. Сначала ему был выдан аванс в 100 рублей, затем последовали еще пять выплат на общую сумму в 1450 рублей.

---

⁴ РГАДА. Ф. 1. Оп. 272. Д. 84746. Л. 139, 149, 229.

В подготовку к коронации была включена чеканка памятных медалей. 1 ноября 1727 года Верховный тайный совет велел президенту Берг-коллегии Зыбину изготовить три вида золотых и серебряных медалей на общую сумму в 10 тысяч рублей: 200 медалей золотых достоинством в 12 червонных каждая, 2 тысячи — по одному червонному (также золотых) и 12 тысяч серебряных. Для изготовления медалей было решено использовать старые медали, «которые деланы были во время Швецкой войны для бывших баталий и взяты городов разных сортов весом на 4400 червонных, а серебра на 1200 рублей употребить». Справились, какие медали и на какую сумму были изготовлены по случаю коронации Екатерины I. Оказалось, что медалей по 12 червонных начеканили 177 штук на общую сумму в 2060 рублей; серебряных же, по 55 золотников, — на сумму в 12 160 рублей.

6 ноября Зыбин получил рисунок медали с многозначительной надписью по кругу: «От тебя с тобою и к славе твоей».

Выбитых медалей оказалось недостаточно. После коронации, 10 апреля 1728 года, велено было выбить дополнительно 58 золотых медалей достоинством от 50 до 3 червонных: шесть медалей по 50 червонных каждая, предназначенных для русских послов при иностранных дворах и иноземных послов при русском дворе, 24 медали достоинством по 20 червонных, 27 медалей достоинством в 12 червонных и одну медаль — три червонных.

Фактически таких медалей было выбито намного больше. Обнародованный указ предусматривал чеканку медалей в 50, 20, 12 и 3 червонных. Согласно же сохранившемуся в архиве Делу о коронации Петра II, медали были выбиты не четырех, а восьми сортов: появились медали четырех новых достоинств: в 8, 4, 2 и 1 червонных. Всего было выбито 651 золотая медаль и 4274 серебряных на общую сумму 8521 рубль 50 копеек.

По тому, какого достоинства медаль предназначалась тому или иному лицу, можно судить о том, какое место он занимал в иерархии тогдашнего русского общества. Списочный состав награждаемых — своеобразная Табель о рангах. Исключение составляли владельцы золотых медалей по 50 червонных, при пожаловании которыми руководствовались соображениями международного престижа.

Казалось бы, медали самого высокого достоинства должны были получить лица, принадлежавшие к царствующей фамилии: государыня-царица бабка императора Евдокия Федоровна, великая княгиня Наталья Алексеевна, цесаревна Анна Петровна, ее супруг герцог Голштинский и их новорожденный сын, а также три царевны: Анна и Екатерина Иоанновны и Елизавета Петровна. Но они, наравне с грузинским царем, были пожалованы медалями второго разряда достоинством в 20 червонных.

Следующий разряд медалей, достоинством в 12 червонных, предназначался для отправки иностранным дворам и генерал-поручикам. Высоко котировалось положение царского духовника, камер-фрейлины и фрейлин при особах царской фамилии — они были пожалованы медалями достоинством в 8 червонных. Двум академикам, как и медальерам, библиотекарю и граверу, полагались медали достоинством в 6 червонных. По 4 червонных медали получили пажи императорского двора, управители конюшен. Медали достоинством в 1 червонный предназначались для музыкантов, певчих, царицыных карлов и карлиц и прочих придворных служителей не самого низкого положения.

Серебряные медали достоинством от четырех рублей до десяти копеек предназначались для унтер-офицеров, рядовых, кучеров, конюхов, истопников, поваров, скороходов, гайдуков и прочих служителей.

В церемонии коронации Петра II появилось одно новшество по сравнению с коронацией Екатерины I, к опыту проведения которой устроители обращались как к

своего рода образцу. Участникам церемонии были розданы напечатанные в типографии пригласительные билеты.

За неделю до коронации, 18 февраля 1728 года, Петр Курбатов отправил директору типографии Федору Поликарпову письмо: «Извольте приказать надруковать (напечатать. — *Н. П.*) против присланных от вас двух образцов билеты каждого сорта по тысяче и прислать ко мне за вашей печатью и чтоб тех билетов никаким образом при друковании никому не было отдано».⁵ В тот же день Поликарпов ответил, что «друкование» билетов будет происходить в его присутствии, после чего он их немедленно отправит Курбатову.

И действительно, уже 20 февраля Поликарпов отправил Курбатову 2 тысячи билетов двух сортов. На билетах первого сорта имелся следующий текст: «С сим билетом входить в Грановитую палату и в церковь». Выше текста был изображен сидящий на ветке двуглавый орел. На билетах второго сорта писалось: «С сим билетом входить в церковь». Выше текста изображена ваза с цветами.

Владельцы билетов первого сорта приглашались не только на церемонию коронации в Успенском соборе, но и на торжественный обед в Грановитой палате. Те, кто получил такие билеты, принадлежали к придворной элите. Владельцы билетов второго сорта относились к менее сановным вельможам.

Все билеты были пронумерованы с указанием мест. Между прочим, не ясен ответ на такой вопрос: зачем понадобилось печатать 2 тысячи билетов, если в Успенском соборе могло поместиться лишь несколько сот человек, а в Грановитой палате, где присутствовавшие сидели за столами, — и того меньше? Тем более что помимо двух тысяч билетов, предназначавшихся для светских лиц, Синод повелел отпечатать 150 пригласительных билетов для духовенства. Использовано из них было чуть больше половины — 81 билет. Духовные лица получили право входа как в Успенский собор, так и в Грановитую палату.

В распоряжении историков имеется два списка лиц, приглашенных на коронационные торжества: в один из них включены гражданские чины, в другой — военные. В список гражданских чинов вошли сенаторы, президенты коллегий, коллежские и конторские чиновники до ранга полковника. Среди приглашенных значится основатель исторической науки в России, один из создателей уральской металлургии, советник Монетной конторы Василий Никитич Татищев. Всего в этом списке — 43 персоны. Второй список открывают генерал-фельдмаршал князь Михаил Михайлович Голицын, граф Сапега и Яков Виллимович Брюс, а завершают 34 полковника. Всего — 126 имен, к которым надо прибавить 37 человек «из знатного шляхетства».

Среди лиц, включенных в этот список, числились и те, кто выполнял определенные обязанности в церемонии коронации: четыре «майора, которые были при метании монеты», шесть капитанов, находившихся «при балдахине», и одиннадцать офицеров, которым было поручено нести переносной балдахин. Итого списочный состав состоял из 217 человек. К нему надобно присоединить пять членов Верховного тайного совета, шесть членов Синода, несколько иностранных послов и 40 человек, которым пригласительные билеты по повелению Остермана должен был раздать обер-церемониймейстер Бибах «по своему в том благоискусству». Если учесть, что некоторым вельможам разрешили явиться на торжество вместе с супругами, то общая численность присутствовавших в Успенском соборе, вероятно, не превышала 500 человек.

Дата проведения коронации дважды переносилась на более поздние сроки.

Первоначально ее предполагали провести в декабре 1727 года. Однако 9 ноября

---

⁵ Там же. Л. 292.

Ромодановский донес Г. И. Головкину, что хотя «вороты строятся со всяким поспешением», но предвидится задержка «в картинах, каковым надлежит быть на тех воротах». По этой причине коронацию перенесли на 7 февраля 1728 года, о чем было велено «публиковать чрез офицеров с военной музыкою». Но и эту дату пришлось перенести — по причине болезни императора.

В итоге коронация состоялась 25 февраля 1728 года.

Петр выехал из Петербурга при пушечной пальбе 9 января 1728 года. Через два дня царь достиг Новгорода. Здесь ему была организована торжественная встреча, во время которой новгородский архиепископ Феофан Прокопович обратился к монарху с краткой речью: «Тебе же царь царей да подаст жити и царствовать на многие лета».

На пути из Новгорода в Тверь Петр, как уже было сказано, заболел. Две недели он провел в Твери, в постели, а затем путь был возобновлен. При подъезде к Москве император на некоторое время задержался, чтобы подготовиться к торжественному въезду.

Въезд императора в Москву состоялся 4 февраля. У Воскресенских синодальных триумфальных ворот его встречали весь Синод и прибывшие в Москву архиереи из ближних к старой столице городов (особым распоряжением канцлера Головкина архиереям из отдаленных от Москвы городов участвовать в праздничной церемонии не рекомендовалось). Все духовные лица были в полном церковном облачении. Особо выделялись студенты и учителя Славяно-греко-латинской академии, облаченные в специально пошитые для встречи императора белые камзолы и белые плащи: они были в париках, с венками на голове и держали в руках пальмовые ветви.

От лица всего духовенства императора приветствовал Феофан Прокопович. В речах, произнесенных при въезде Петра II в Москву и во время коронации в Успенском соборе, Феофан в полной мере проявил свой талант оратора-панегириста. Обращаясь к монарху-отроку, он призывал его, занимая престол, быть милостивым, правосудным, мудрым, сильным и радетьным. «Благочестивейший и самодержавнейший император! — обращался он к двенадцатилетнему царю. — Сие толикое народа множество, и при нем пастырский чин, нас, верных подданных твоих и богомольцев подвигла и совокупила неизглаголанная радость, которую возбудил в нас слух пришествия твоего... Сия бо радость не безнадежная есть, но от долгаго чаянья и ожидания родилась в нас. Ожидати царствования твоего повелевало нам самое твое от утробы матерния происхождение, и тогожде чаяти велела отеческая к тебе Петра великаго любовь, и о добром воспитании твоём попечение... Тако лицезрением твоим суще мы обрадовани, не сумнимся, что получа того, котораго мы ожидали, увидим и таковаго, каковаго быти надемся: милостива, правосудна, мудра, и сильна, и радетьна...»⁶

Однако едва ли этот призыв мог найти полное понимание у подростка и едва ли тот готов был в действительности руководствоваться им. В речи Феофана и в действиях собравшихся Петр должен был увидеть другое: народ с ликованием приветствовал своего царя, проповедник говорил о всеобщей радости и любви к нему. И юный Петр искренне считал, что является предметом обожания всего народа — таково было устойчивое представление о монархе.

Судя по тому, что Петр въехал в Москву 4 февраля и, следовательно, к этому времени уже был вполне здоров, коронация могла состояться не 25 февраля, а неделей-двумя раньше. Причина задержки была все та же — не все подготовительные работы были завершены: мелкие недоработки приходилось устранять буквально на ходу, за несколько дней до торжеств. Так, мысль напечатать

---

⁶ Феофан Прокопович. Слова и речи. Ч. 2. СПб., 1761. С. 223–224.

в типографии пригласительные билеты пришла в голову только 18 февраля, а 19 февраля были озабочены изготовлением золотых волооченых пуговиц для шести егерских платьев. 21 февраля затребовали для мундиров «золота сученого», а 22 февраля — сукна зеленого для пошивки кафтанов и красного на штаны. Сукно надобно было прислать «не умедля, понеже скоро поведено делать платье». Последняя по времени просьба, обращенная к Курбатову, датирована 23 февраля: у него просили прислать десять аршин «позумента золотого шириной в три перста для обшивания чехла на стол его императорского величества».⁷

К 25 февраля все было готово. Осталось получить ответы на три вопроса: 1) «когда государь придет в церковь, до которого рангу надлежит мужеска и женска полу пускать?»; 2) «до которого рангу давать аудиенцию?» и 3) «взять чертеж местам, где иностранным министрам и при том знатным персонам и гетману стоять». К сожалению, ответы на эти вопросы в деле отсутствуют. Зато сохранилось последнее распоряжение, приведенное без подписи: «Повестить всем, чтоб збирались все в воскресенье в столовую палату по полуночи к 5 часу».

О том, как проходила сама церемония, подробно рассказал в своем донесении секретарь французского посольства Маньян. Приведем его описание.

«В воскресенье с 9 часов утра духовенство, так же как и почти все имевшие билеты, уже собрались в церкви и были размещены, каждый смотря по номеру своего билета. Место, приготовленное для вдовствующей царицы и принцесс крови, находилось по правую сторону трона, а для их статс-дам — на некотором расстоянии сзади.

Вокруг по стенам церкви были устроены галереи в виде амфитеатра; в одной из них, позади трона, направо от алтаря, находились генералы армии, президенты разных коллегий и другие лица такого же звания, не исполнявшие никаких обязанностей во время церемонии...

В другой части галереи, по левую руку, также за тронем, находились иностранные министры, провинциальные дворянские депутаты и несколько других лиц, не имеющих государственных должностей, которым тем не менее дали билет на эти места... Места по обеим сторонам церкви были заняты следующим образом: правая — супругами сенаторов, генералов армии и другими знатными дамами; супругам иностранных министров были розданы билеты на эти места, но так как в момент прибытия этих дам места их оказались заняты, они сели около своих супругов. Другое место — напротив, то есть по левую сторону алтаря, было наполнено придворными чинами и иными русскими дворянами; на высшем месте здесь сидел гетман, или командир казачьих войск.

В 11 часов, как только царь вышел из внутренних покоев Кремля, чтобы отправиться в церковь, об этом возвестили звоном всех колоколов. Его царское величество, достигнув главного церковного входа, встречен был духовенством, проводшим его до трона, на который он взошел, имея по правую от себя руку своего обер-камергера, а по левую — барона Остермана; его царскому величеству предшествовали придворные чины, несшие регалии царя, которые были возложены вместе с подушками на стол, покрытый золотой и серебряной парчой.

Обер-камергер, генерал-адмирал, прочие члены Верховного совета, обер-шталмейстер и камергеры его царского величества последовали за государем на трон и расположились по сторонам его; фельдмаршал князь Голицын исполнял при этом должность обер-гофмаршала, имея в руке маршальский жезл, на вершине которого находился императорский золотой орел.

Трон был покрыт малиновым бархатом, под высоким балдахином из той же

---

⁷ РГАДА. Ф. 1. Оп. 272. Д. 84746. Л. 316, 317, 343, 353.

материи, отделанным золотыми галунами, шитьем и бахромой; в глубине трона было кресло, украшенное драгоценными камнями.

Царь, пробыв некоторое время восседающим на троне, встал, чтобы приблизиться к архиепископу Новгородскому (Феофану Прокоповичу. — *Н. П.*), который должен был отправлять службу в полном облачении; этот архиепископ и приступил тотчас же к церемонии, прочитав короткую молитву, по окончании которой он потребовал порфиру, которая была принесена со стола и возложена оберкамергером и бароном Остерманом на плечи его царского величества; архиепископ произнес затем еще молитву, вслед за которой он, приняв из рук одного из присутствующих корону, возложил ее на царскую главу и благословил; по совершении же этого его царское величество взял в руку скипетр, и в конце третьей молитвы отправлявший службу архиепископ вручил царю державу.

Тогда произведен был первый залп артиллерийских орудий и салют из мушкетов солдатами, выстроенными шпалерами на площади, начиная от церкви до Кремля.

Царь, возвратив скипетр и державу для отнесения их опять на стол, сошел потом с трона в порфире и с короной на голове, соблюдая при этом те же церемонии, как и при восхождении на трон; отсюда его величество проследовал затем в маленькую открытую часовню, расположенную невдалеке от алтаря, в которой этот государь слушал соборное богослужение.

Когда начали петь молитвы к причащению, его царское величество вышел из занимаемого им места, принял миропомазание и приобщился в открытых в то время царских вратах.

Совершив это, его величество возвратился на свое обычное место, и тогда произведен был вторичный салют.

По окончании богослужения шествие возобновилось в том же порядке, как и по пути к собору, направившись от этого собора к другой маленькой церкви, которая оттуда совсем близко и в которую заходят, по старинному обычаю, цари, окончив церемонию миропомазания, чтобы воздать перед возвращением в Кремль благодарение Богу, и тогда был исполнен третий общий салют...»

Какое же впечатление произвела на отрока вся эта помпезная церемония? Этот вопрос представляет для нас большой интерес. К сожалению, дать на него точный ответ, опирающийся на показания источников, невозможно. А потому нам вместе с читателем придется мобилизовать воображение и постараться представить себе, как именно отразилось в сознании юного монарха все то, что происходило у него на глазах.

Колокольный звон всех городских церквей, пушечная и ружейная пальба свыше четырех тысяч солдат и офицеров на Ивановской площади Кремля, блеск новеньких мундиров конногвардейцев, а также вельмож, присутствовавших в Успенском соборе в парадном одеянии, благолепие духовенства должны были оставить в душе подростка неизгладимое впечатление. Перед ним склоняли головы, его благосклонного взгляда искали седовласые вельможи и израненные в сражениях генералы. С амвона звучали приветственные слова духовного пастыря Феофана Прокоповича: «Мы же, подданные твои всякого чина, яко самодержца и яко высочайшего государя слуги и яко отца отечества чада, когда поздравляем тебя толиким».

Эта мысль давно было усвоена юным Петром. Однако вряд ли нашло отклик обращение оратора к сердцу монарха, призыв действовать в угоду «славе своей и пользе народов», быть любимым подданными и страшным для супостатов, «даруя все дни твои мир, тишину и обилие плодов земных». Короче говоря, можно утверждать, что церемония коронации укрепила отрока в мысли о божественном происхождении его власти, в том, что он волен распоряжаться судьбами своих

подданных. Но надетый на его главу царский венец и врученные ему скипетр и держава не могли изменить его, не заставили его задуматься над тем, как этой властью следует распорядиться, не привели его к мысли о том, что он вместе с атрибутикой власти монарха обретал не только право на неограниченную власть, но и нелегкие обязанности. Последнее оказалось чуждо пониманию не только подростка, каким был Петр Алексеевич, но и тех зрелых дам, которым судьбой уготовано было править до и после него — разумею его предшественницу на троне Екатерину I, а также двух его преемниц — Анну Иоанновну и Елизавету Петровну, столь же мало заботившихся о судьбах государства и благополучии своих подданных.

И еще: высказываемые архиереем мысли о необходимости заботиться о тишине, пользе народа, благополучии государства носили абстрактный характер, в то время как знаки преклонения перед императором были столь очевидными, что оказывались доступными пониманию отрока и не требовали напряжения не привыкшего к мыслительной работе ума...

Согласно традиции, коронация сопровождалась пожалованиями. Значительное число их выпало на долю Долгоруких, особо приблизившихся к императору после падения Меншикова. При въезде в Москву фаворит императора Иван Долгорукий был пожалован высшим придворным чином обер-камергера и орденом Андрея Первозванного. Его отца, Алексея Григорьевича Долгорукого, а также Василия Лукича Долгорукого император назначил членами Верховного тайного совета.

В день коронации, 25 февраля, был обнародован указ, облегчавший податное бремя основной массы населения — крестьян: они освобождались от уплаты подушной подати за майскую треть (январь—май) текущего года. В этот же день были повышены в чинах Василий Владимирович Долгорукий и Иван Юрьевич Трубецкой — обоих Петр II пожаловал генерал-фельдмаршалами, а Миниха возвел в графское достоинство.⁸

«Вечером царь прогуливался по улицам города и предместья, называющегося Немецкой слободой, где живут все иностранные министры, — сообщал в своем донесении Маньян, — дома были иллюминированы, и это будет продолжаться несколько дней сряду».

Казне коронационные торжества обошлись очень недешево. По ведомости, включавшей, впрочем, не все затраты, было потрачено 41 тысяча рублей, из которых было отпущено генерал-лейтенанту Дмитриеву-Мамонову «на строение на кавалер-гвардию нового мундира и других уборов» 11 тысяч рублей; советнику канцелярии Коллегии иностранных дел Петру Курбатову «на дело балдахина и прочих уборов и на придворных людей... нового мундира» 20 тысяч рублей; Берг-коллегии на чеканку золотых и серебряных медалей 10 тысяч рублей.⁹

Как видим, в ведомость не вошли расходы на сооружение на средства казны триумфальных ворот, на ремонт жилых помещений для императора и его сестры, на оборудование Успенского собора помостами и Грановитой палаты столами и прочим для торжественного приема гостей. Не учтены и расходы на переезд императора и его свиты, а также представительниц царствующего дома: Натальи Алексеевны, Елизаветы Петровны, Екатерины и Прасковьи Иоанновны. По решению Верховного тайного совета им было выделено по 20 подвод каждой. К транспортным расходам следует отнести и перевод коллегий из новой столицы в старую: по указу

---

⁸ Вейдемейер А. Обзор важнейших происшествий в России с кончины Петра Великого до вступления на престол Елизаветы Петровны. Ч. 1. С. 93, 94; Феофан Прокопович. Слова и речи. Ч. 2. С. 227.

⁹ РГАДА. Ф. 1. Оп. 272. Д. 84746. Л. 215.

Верховного тайного совета в Петербурге остались конторы коллегий.

Все это стоило немалых денег, но определить их даже приблизительную сумму невозможно.